

в) Оскорбленный Ангел

«Творяй Ангелы Своя духи и слуги Своя пламень огненный» (прокимен Ангелам).

Однажды, когда некий старец сидел у своей ветхой келии, подавленный тяжелыми думами, неожиданно

подошел к нему знакомый брат и, видя горестного старца, спросил его:

— Что случилось с тобой и что повергло тебя в столь чрезвычайную печаль?

— Скорбь, снедающая меня, — ответил старец, — уже обветшала, ибо стала мне привычной, и в то же время свежа, ибо непрерывно возрастает.

— Поведай же мне, отче, что это такое? — настаивал брат.

— Изволь, — ответил старец, — я поведаю тебе.

— Отче, ну говори.

— Несчастная душа моя, израненная заботами и грехами, — вздыхая, начал говорить старец, — вспоминает, какой она была некогда, в юности своей. Как все преходящее лежало в прахе, ниже ее и сколь высоко она царила над всем, что подвержено изменению. Только о небесном помышляла она и, еще связанная плотью, разрушала ее границы, погружаясь в созерцание; даже о смерти, которую все люди считают мучительной карой, мыслила она с любовью, видя в ней врага, веущие в жизнь вечную. А вот теперь она ослабла, потемнела и сквернится пылью земных дел и обуревается всякими помыслами житейскими.

Вот я взвешиваю все это, и мне становится горько. Когда же я оцениваю мою утрату, то бремя моих скорбей становится все тяжелее. Так я ношусь то туда, то

сюда, по волнам великого моря, и челн души моей колеблют мощные порывы страшной бури, и, вспоминая свою прежнюю жизнь, бросаю взгляд назад, и вижу берег оставшийся, и тяжело вздыхаю.

А что всего печальнее, — продолжал старец, — меня, беспомощного, все дальше и дальше уносят огромные морские волны, и мне уже не видно покинутой мною пристани. Вот в этом-то и состоит падение души, что сперва, утратив какое-либо благо, прежде ей принадлежашее, она еще помнит о своей утрате, потом, опускаясь все ниже, о ней забывает и, наконец, в ее памяти не остается ничего из того, что приобрела она когда-то.

Порой увеличивает мою скорбь и воспоминание о жизни тех людей, которые всей душой служили Богу, они угодили Господу своими неослабными подвигами и наследовали вечный покой душам своим...

Старец замолк и низко склонил свою голову. Брат сидел около старца и тоже молчал. Потом он стал плакать и отирать свои слезы ладонью подаятника.

Старец поднял свою голову и, посмотрев на него, спросил:

— Что это, брат, или и тебя я навел на печальные мысли?

— Нет, — ответил брат, — я плачу от радости.

— А что тебя радует? Моя беспечная жизнь и моя скорбь об этом?

— Да, твоя скорбь и твое раскаяние.

— Меня и Сам Бог, наверное, не простит, напрасно и печалиться мне!

— Бог простит, и я прощаю тебя, — сказал брат уверенно.

Старец обернулся и поглядел на брата, но, какой ужас!

Около него никого не было. Место, где сидел брат, было пусто.

— Горе мне, — сказал старец, — я видел Ангела-Хранителя своего. Он принимает и малое сокрушение.

Сказав сие, он горько заплакал. Затем, войдя в свою келию, он повертлся ниц пред святыми иконами и долго не хотел утешиться. Только слышны были его вопли и чуть различимые слова:

— Я оскорблял тебя и не внимал твоим советам. И когда ты говорил мне о добром, я пренебрегал твоими наставлениями. Как мать своего ребенка, ты хранил меня; как кормилица за свое любимое дитя, ты заступалась за меня; как любящий отец терпеливо воспитывал сына своего родного, так ты, Ангел мой Хранитель, жалеешь меня...

Долго так плакал старец, как вдруг послышалось ему, что кто-то идет к нему. Поднявшись с земли, он пошел навстречу.

— Мир тебе, авва Иона, — сказал ему боарый сельский голос.

— Мир тебе, авва Савватий, — отозвался старец, — заходи, садись, гостем будешь Божим.

— Иду в свою пустыню, и вот, зашел к тебе, — сядь на лавку, сказал гость.

— Рад тебя видеть, авва Савватий, — и они братски облобызались.

— Как спасаешься, отче Ионе?

— Худо, авва, оскорбляю своего Ангела-Хранителя и Господа.

— Бодрись, отче мой, и не унывай. Я простил тебя и Бог примет твоё покаяние.

— Я знаю, авва, что ты велик пред Богом, — ответил старец и поклонился авве Савватию до земли. Когда же старец Иона поднял свою голову, то на лавке, где сидел авва Савватий, никого не было.

— О, горе мне, горе, — взмолился снова старец, — Ангел Божий опять приходил ко мне, чтобы утешить меня, окаянного, сколько любви, сколько ему заботы о душе моей и как я буду за это ответ давать Богу моему?

Тронутый столь большой нежностью своего Ангела-Хранителя, старец опять повергся ниц и плакал до тех пор, пока не настала ночь, и он не заснул, лежа на земляном полу.

Видит во сне: идет к нему умерший его родной отец и говорит: «Полно тебе, Илия*, плакать-то, радоваться надо и благодарить Бога».

— Я много оскорбил своего Ангела-Хранителя, — плача, сказал старец.

— Я знаю, — ответил отец, — но как скоро ты осудил себя, то Ангел простил тебе за все. Ты и меня оскорблял в юности своей, но разве я за все это не простил тебя?

Старец Иона поклонился до земли своему родителю и, когда поднялся, хотел облобызать его, но как скоро почувствовал, что отца нет в его объятиях, сильно перепугался и, вскрикнув, проснулся.

Дивный покой охватил его сердце. Благодаря Бога и радуясь, он начал совершать утреннее правило.

Но скажи мне, друг мой, кто стоял тогда около твоей колыбели, когда твоя родная мать, умученная дневными трудами, смежила свои больные очи? Кто неотступно день и ночь молился у твоей колыбели, когда твое детское маленькое тело горело в огне смертельного недуга? Скажи мне, кто сохранил твою детскую жизнь, когда, идя через реку по узкому переходу, ты, поскользнувшись, свалился в бурную глубину? А в зимнюю пору, когда по-детски резвясь и веселясь, ты, летя с горы на

---

* Илия — мирское имя старца Ионы.

санках, на лыжах, на коньках, мог в миг наскочить на угол сарая, на дерево, камень и разбиться вдребезги, скажи, кто хранил тебя тогда? Скача на замерзшей реке уже в глубокий вечер, когда всюду было темно, и ты, провалившись под лёд, уходил ко дну глубокой реки, кто, скажи, выхватила тебя из верной смерти? А в юности твоей, горькой и превратной, когда нечего было есть, нечего пить, не во что одеться, не с кем разделить душу, негде помолиться, негде отдохнуть, скажи, кто оберегал тебя от физической и духовной смерти?

Что же сказать мне о твоих последующих периодах жизни, когда ужасные войны, моры, голод, кровопролития, зимние стужки, разрывы бомб и горящие тучи пуль, грохочущие чудовища-танки и летящие стальные птицы-самолеты, голодные звери в лесах и зверские засады при глухих дорогах на часовых, одиноких мостах в ночную зимнюю вьюгу и под проливными дождями в холодную невылазную осень, и лежание в сугробах, в ледяной воде, в липучей грязи, таскание на себе непомерных тяжестей: снарядов, камней, земли, мешков соли, песку, деревьев, стальных труб, ранённых, убитых братьев-солдат... скажи мне, друг мой, кто и чей заботливый взор охранял тебя в эти ужасные времена? Почему тебя не разорвала адская бомба на мелкие кусочки?

Почему тебя не пожирал голод и холод?

Почему тебя не поглотила водная пучина?

Почему не попалил естественный и термитный огонь?

Почему голодные звери не разорвали тебя в темном лесу?

Почему гром и молния не разбили твою дурную голову?

Почему до сих пор адские злые силы не втянули тебя в вечный тартар?

Почему Бог терпит до сих пор твои тяжкие грехи?
Почему?..

Эх, друг мой любезный! Знаешь ли ты, что и до сих пор и до сей минуты около тебя стоит тобой оскорбленный, тобой обиженный твой добрый Ангел-Хранитель. Стоит и смотрит на тебя добрыми и кроткими очами. Целую жизнь ты его не видел и целую жизнь он хранит тебя.

«Ангелом Своим заповесть о тебе сохранить ты на всех путех твоих» (Пс. 90: 11).

Какой друг может быть более близкий, более дорогой тебе? Кто столько берег тебя и столько учил тебя добру и правде? А кто больше всех плакал о тебе и проливал слезы сожаления, как не Ангел-Хранитель Твой? И не оттого плакал, что ты обидел его и еще обижался, а оттого, что он любит тебя и желает тебе добра, а ты, мошенник своенравный, не слушаешься его и не принимаешь его добрые советы. И даже тог-

да, когда случится тебе сделать какое-либо малое доброе дело, ты относишь его к себе, будто ты это сам сделал, и преступно кичишься собой, а не знаешь, разбойник, что это доброе дело внушил и помог тебе сделать Ангел-Хранитель твой...

С какой любовью, с каким вниманием, с каким уважением относились к Ангелу-Хранителю своему святые отцы наши, они боялись оскорбить его и делали все так, как он им советовал. И тогда уж, в день смерти, какая была радостная встреча Ангела-Хранителя с душой человека, который его почитал и слушал! А на страшных воздушных мытарствах Ангел-Хранитель обязательно защищал эту душу и ни за что не отдавал ее злым демонам.

И вот, подумаем теперь хорошенько, как мы относимся к своему Ангелу-Хранителю? Радует мы его своими делами или оскорбляем? Любим мы его или совсем не замечаем и забываем его? Читаем мы ему каждый день канон или совсем не читаем и вечерних молитв на сон грядущий?

И как трудно теперь Ангелам-Хранителям быть вместе с нами и как тяжело им наставлять нас на путь спасения! Ведь какие мы теперь стали маловерные, не которые даже не верят, что у них есть Ангел-Хранитель. Стали мы непослушные, какие-то отчаянные, вот знаем, что будет Страшный Суд, будут вечные муки, и не боимся, не задумываемся об этом страшном часе. Потому,

неисправные мы, лукавые, сонливые, озлобленные, неискренние, сластолюбивые, болтливые... О, Боже, и нет числа нашим грехам. И вот ведь, трудно с нами быть Ангелу Божию! Как тяжело, как нудно! И если бы Ангел-Хранитель не любил бы нас сильно, то давно бы покинул нас, и мы сделались бы добычей дьявола.

Кто это тихо плачет в полутемном углу моей келии? Это, кажется, брат Николай, с которым вместе живем в одной комнате... Вхожу в келию и включаю свет... Божь мой! Да где же брат Николай? Зову: «Брат Николай! Брат Николай!» Ответа нет. «Ты что, спрятался, что ли? Куда ты делся?» Подхожу к тому месту, где я только что видел его молящимся. Пусто. Только огонь лампы сильно заколыхался и... потух, будто от какого-то движения воздуха. Но не от моего же прихода потухла лампада, подошел я на цыпочках...

Снова зову: «Ну, брат, Николай, куда ты спрятался?» Варуг мороз побежал по моему телу, волосы на голове поднялись дыбом, и я ясно увидел, как в другом углу келии, пред иконой Спасителя опустился человек. Он был очень похож на меня, и волосы такие, и подрысничек такой же старенький, и, что особенно поразило меня, четки точно такие (синие с белыми шпичками на десятках), какие я сейчас держал в своих руках.

«Брат Николай! Брат Николай! Что же ты молчишь?»

Молящийся стоял на коленях, склонив голову до полу, и слышно было, как он тихо плакал...

Ужасный страх сковал мои члены, и предчувствие чего-то таинственного покорило душу... Я чувствовал, что какая-то сила гонит меня из келии. Вышел на цыпочках в коридор, закрыл дверь и тут только вспомнил, что брат Николай еще вчера уехал далеко к своей матери и вернется не раньше, чем через неделю. Мне стало жутко и страшно как никогда. Я бросился бежать на улицу. Позади раздалось громкое рыдание. Оскорбленный Ангел-Хранитель мой оплакивал мои грехи.
(*Рассказ старца.*)

Мой Ангел

Мы вышли вместе, всюду шум,
Я шел во мраке ночи,
А ты — уж светел был твой ум
И зорки были очи.
Ты знал, что ночь, глухая ночь
Всю нашу жизнь продлится,
Но не ушел ты с поля прорчь,
А стал ты честно биться.
В великом сердце ты носил
Великую заботу,
И, как поденщик, выходил
До Солнца на работу.

Во лжи дремать ты не давал,
Любовью увещевая,
И маску грешную срывал
С меня, как с негодяя.
Ты — Ангел мой, ты — милый друг
И есть ты мой спаситель.
Враги мои снуют вокруг,
А ты — мой защититель.
К небесным зорям ты влечешь
Ленивого ленивца,
И долго любишь, долго ждешь,
Чтоб вместе с бесом биться.
А я безумен, я учен,
Чтоб тихо только спастись,
С бесами злобы и грехом
Бессилен честно вратиться.
Как много в жизни я тебя,
Мой Ангел, тихий, тихий,
Резал обидой, не любя,
Был дерзкий, глупый, лихий.
А ты о мне скорбел, терпел,
Родной сестры нежнее,
Молитву к Богу тихо пел, —
Она всего нужнее.
Ты не оставь же, милый брат,
Меня до черна гроба,

Чтоб вместе войти во Граа

Вселяющего Бога.

И там в волнах любви святой

Нам вместе дружно слиться

И видеть всех, и образ твой,

Всегда Творцу молиться.

Ангел Христов! Не даждь места лукавому демону
обладати мною насильством смертного сего телесе...

И вот, чтобы ты не был оскорблен и так сильно печален, я обещаюсь, Ангел мой пресветлый и претихий, обещаюсь исправиться в своей жизни и уже теперь делать все так, как ты мне подсказешь в моем сознании. И, кажется, так мало мне осталось жить на этом свете! Укрепи меня, мой Хранитель, в этом добром решении и помоги его исполнить честно и богоугодно.